

ШУТКА ЖИЗНИ

Денис Младший

Денис Младший
Шутка жизни
Серия «Тёплый приём», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69408226

SelfPub; 2023

Аннотация

Какую же шутку успеет сыграть жизнь с профессором литературы после того, как человеческий мир перевернётся?

Денис Младший

Шутка жизни

– Лёша-Лёша, я ничего не могу поделывать, – разводил руками профессор. – А хотелось бы. Такая уж система.

Он ускорил шаг, но не потому что компания ученика ему как-то мешала – он был совсем не против с тем поговорить, однако безумный темп рабочего дня заставлял Гену торопиться.

– Геннадий Анатольевич, но ошибка правда есть! И я не могу внести исправления в программу! – возмущённо возносил руки Алексей.

– Оно и верно. Я системой занимаюсь. Но то, что вы хотите исправить, находится в корню программы. Мне придётся отправлять заявление в министерство! А там, я вам честно скажу, не самые отзывчивые люди.

– Геннадий Анатольевич! – внезапно студент схватил профессора за лацкан пальто и рванул на себя.

– Что вы делаете, Лё!...

Но он не договорил. Волна воздуха задрала уложенные волосы Геннадия и подняла с плеч студента неопрятно лежащий шарф. Это по дороге на всей скорости пронеслась колонна полицейских машин. Гена так был занят разговором, что чуть не свалился с бордюра прямо под колёса. Красно-синие огни уже скрылись за поворотом.

– Спасибо, Лёша, – Геннадий брезгливо потёр пальто, только что облитое водой из придорожной лужи. – Куда это они?

Он презрительно посмотрел вслед колонне.

– Не слышали, Геннадий Анатольевич? – с удивлением посмотрел Алексей.

– Я в интернете весь день не сижу, – покачал профессор головой.

– Третий митинг за неделю, – объяснил студент. – Возле мэрии всё народ собирается против налога на творческую деятельность.

– А-а... Ясно. Да что это изменит?

– Изменит-изменит, Геннадий Анатольевич! Народ своё отстоит! – по-Ленински возразил Лёша.

– Плавали – знаем. Я молодой тоже такой был. Ходил за толпой, бутылки кидал. Да бестолку всё. Мы им не авторитеты, – профессор скосил взгляд куда-то в сторону Кремля, потом обернулся к Алексею. – Пора мне, Лёша. Вечером встреча с другом, а нужно ещё много чего сделать.

– Прощайте, – студент махнул рукой и унёсся к только приехавшему к остановке автобусу.

Геннадий глянул на часы. Свежий выпуск новостей, пара сообщений на почте, температура... В этой чехарде он часто не мог найти банальное время при своей-то дальновзоркости. До шести был ещё час. Можно и погулять, отдохнуть...

***

Финальный аккорд звучал неплохо. Хотя и понятно было, что по задумке автора финал должен был быть чуть позже. Неплохое выступление прервали спасители порядка. В мгновение ока на площадь без лишних церемоний въехал спецавтомобиль, и по камням загрохотали тяжёлые сапоги. На сопротивление у музыканта не было и секунды. Руки за спину, лицо к земле – искусство в узде. Народу оставалось возмущаться только в мыслях. Постепенно толпа зевак разбредалась по своим делам. Инструменты были небрежно брошены в машину, и о горе-музыканте напоминал только растоптанный планшет на ступеньках пред ногами Пушкина. Александр Сергеевич, как всегда, безучастно смотрел куда-то в сторону своими бронзовыми глазами.

– Эх вы... – покачал головой Геннадий, обращаясь не то к памятнику поэта, не то к уезжающему автозаку.

Он опустил козырёк кепки, скрываясь от яркого не по погоде солнца, и пошёл дальше. Ветер закручивал миниатюрные торнадо из опавших листьев, нагоняя серую тоску. Такова осень. Такова Россия. Думать совсем не хотелось, ибо понятно, что рано или поздно в голову полезут неприятные мысли. Ну вот опять. Гена нащупал в пальто телефон. Дисплей высвечивал пропущенные сообщения.

Ну что?

Где?

Эй ты, Гена!

«Славик, Славик...» – вздохнул Геннадий.

Чайхана встретила его приятным запахом специй и мягким оранжевым освещением. Домашнюю атмосферу дополнял уют, который производило ничтожно малое количество посетителей. А Слава, уже доев свою чучвару, без умолку тараторил.

– Я не могу это терпеть. Как я могу это терпеть? Не буду я платить этот чёртов налог! Если ещё раз...

– Знаешь, Слава, – прервал собеседника Геннадий, – а ведь я только что ещё одного видел.

– Кого? – приподнял брови его друг.

– Да музыканта повязали. Опять, – Гена бесцельно мешал ложкой чай.

– Понятно. Твари... Слышите, твари?! – художник повернулся к ближайшей камере под потолком и пригрозил кулаком.

– Не надо. Заплати лучше, и не будет проблем.

– Я. Не буду. Платить. Этот. Чёртов. Налог, – злобно сквозь зубы Слава чеканил каждое слово. – Выдумали они тоже. Сначала налог на мусор, потом эта хрень с налогом на творческую деятельность. Введут налог на воздух, я, ей Богу, задохнусь, но не заплачу!

Он поправил круглые очки. В наушнике у левого уха что-то негромко запищало.

– Прости, Гена – похоже, срочно, – Слава встал и отошёл к туалету, уже о чём-то договариваясь с заказчиком по ту сторону линии.

Гена хлебнул тёплого чая. Приятный жар прошёл по горлу, согревая гортань. Совсем незаметно вшитый чип засчитал к дневному счёту несколько мизерных калорий. Чай вкусный – травяной. И одна ложка сахара. Геннадий каждый раз заказывал себе такой. Было приятно хотя бы раз в месяц посидеть здесь со старым другом, не заботясь ни о чём, отдыхая от тягостной работы в институте. Калибровка нейросетей, тесты VR-симуляций и бесстрастное общение с машинами успели надоесть ему. Совсем не так Геннадий Быков представлял себе работу лет десять назад. День за днём в кабинете, а студентов он видел только на выходе из института. Он всегда считал, что обучение нуждается в харизматичной человеческой подаче. Однако все его заявления в министерство образования были в лучшем случае отклонены, если не проигнорированы. Дай Бог, его дочь не вырастет на такой программе, а ему хватит времени учить её на дому.

Слава вернулся.

– Геннадий Анатольевич! – театрально протянул он. – Как чай пьются?

– Да хорошо, вроде, – в знак подтверждения он приложился к чашке.

– Ты посмотри, – художник поднял руку и показал большим пальцем себе за спину.

Гена посмотрел. Единственным, что могло привлекать внимание в указанном направлении, был широкоэкранный телевизор. Репортаж вели, безусловно, о пришельцах. Звук

был приглушён, да и общий шум с кухни мешал разобрать слова репортёра. Но в общих красках всё было ясно.

– Видал? Марсиане их животных модифицируют. Ага, конечно! Брешут, твари!

– Ну постой, – решил поспорить с товарищем Гена. – Я склонен полагать, что наше существование настолько удачно, что мы-таки встретили разумную расу в этом космическом хаосе. Мне кажется, правительство такого не придумало бы. Звучит, как сказка, но одновременно очень вероятно.

– Бред какой-то. Чудо не может быть вероятным. Сам посуди – не это ли величайшая ложь правительства за всю историю?

– Как посмотреть, Слава, как посмотреть...

– Ну ты!.. Да не будем о плохом. Как семья у тебя? Официант! – крикнул он местному роботу.

– Да знаешь, всё на самом деле хорошо. Пугает меня это немного. Если идёт в жизни белая полоса, значит, обязательно где-то впереди будет чёрная.

– Да ладно тебе, не будь пессимистом! Идёт, значит, пусть идёт. Главное, не похерить всё. У тебя вон дочка растёт. А я холостяк тридцатилетний. Дома штаны просиживаю, пиво попиваю, – робот-официант уже подкатил к их столику, и Слава выбирал на панели напитков.

– Завидно мне твоё положение, – улыбнулся Гена. – Нету у тебя такой ответственности на плечах, как у меня. Иногда бывает хочется так всё бросить, а нельзя.

– Хе-хе-хе, – усмехнулся Славик. – Удел холостяка – свобода.

Тем временем официант доставил к столу наполненную до краёв кружку пива.

– Разве ты не за рулём? – удивился Геннадий.

– Безалкогольное, – подмигнул ему художник и сделал глоток. Слава взял бы и алкогольное, если бы не контрольный чип, что просто бы не позволил ему завести машину.

На часах было ближе к девяти, когда Геннадий покинул чайхану. Шёл мелкий дождик, тучи закрыли небо. Всё это нагоняло тоску на него, но было что-то ещё. Что-то более глобальное и трагичное. Что же? А ведь оно приближалось с каждой секундой, нависало над ним, над всем городом, над всей планетой. «Что же это? Осенняя депрессия, как многие говорят?» – думал Гена. Был вечер перед десятым сентября 2034-ого года. Последний мирный день землян.

***

А погода только ухудшалась. Пока только лёгкая, снежная буря мешала обзору слишком сильно.

– Не видно ни зги, Геннадий Анатольевич! – пожаловался Алексей, опустив бинокль.

Быков посмотрел на напарника. Сквозь перемотанный как попало шарф вокруг кислородной маски не было видно даже глаз. Сложно было поверить, что со своим собственным студентом он ближе всего познакомится на войне.

– Да уж знаю, Лёша. За входом последи, – наказал бывше-

му ученику Быков.

– Так точно, Геннадий Анатольевич! – скорее с доброй насмешкой, чем с солдатской покорностью, отдал честь Алексею.

«Он ещё ребёнок, – мысленно покачал головой Гена. – Куда его отправили со мной? Ладно мне одному пропадать, так ещё и молодую душу на меня повесили.» Студент тем временем отошёл глубже в помещение и присел на корточки у дверного проёма.

– Предохранительними, – строго напомнил Быков.

Лёша ойкнул и перевёл оружие в режим «огонь». Гена вновь прильнул к окуляру. На перекрестии прицела он ловил одни только хлопья снега, а что было на земле под небоскрёбом, было известно, наверное, одному лишь Богу. Впрочем, вера в Бога угасала в профессоре всё сильнее и сильнее. «Нельзя верить в того, кто помочился на этот мир. Ведь мир не достоин даже такого.» Помнится, именно так и говорил оптимист Славик. Сколько месяцев прошло? Два? Три? Лицо, заросшее косматой бородой, под сенью длинных дредов уже почти полностью растворилось в его памяти. Только круглые тёмные очки составляли образ близкого друга в голове.

Геннадий потянулся к левой руке, открыл карман на рукаве, где скрывался портативный коммуникатор. Несколько высокочувствительных сенсоров, не теряющих эффективность даже на таком жутком морозе, отреагировав на движе-

ние, перевели радиогарнитуру в режим вызова.

– «Нора» – «Кукушке». Повторяю, «Нора» – «Кукушке».

– «Нора» на связи, – раздался в наушнике потрескивающий голос. – Говорите, «Кукушка». Приём.

– В гнезде видимость нулевая. Меняю позицию на пятнадцатый уровень. Жду разрешения. Приём, – как требовала инструкция, чётко сообщил Геннадий, не отрывая винтовочный приклад от груди.

– Вас понял, «Кукушка». Даю разрешение на смену позиции. Конец связи, – голос командующего, обрубленный, словно топором, исчез.

Геннадий тяжело поднялся, повесил винтовку на плечо и сказал напарнику:

– Пойдём вниз, Лёша.

Он обернулся к студенту и увидел, как тот со всей выразительностью прижимает палец к тому месту, где, предположительно, были губы. Быков прислушался и... обомлел. В коридоре, откуда-то со стороны лестницы, ясно слышались и приближались шаги.

Геннадий знал, на что он идёт. На войну. На натуральную войну – это было очевидно с первых разговоров о походе на поверхность. Однако сейчас случится смерть. Может, и не одна. Неважно чья – его, Лёшки или людей по ту сторону стены. Быков, скорее, выбрал бы удел мертвеца, если бы на его плечи стальным прессом не давила ответственность за молодого студента.

Без лишних сомнений он расстегнул кобуру и нацелил Стечкин на дверной проём. Медленно и бесшумно, присев на корточки, он отошёл в угол помещения.

«Хрусть-хрусть-хрусть-хрусть,» – сообщал снег о подходе людей. Быков посмотрел на Алексея. Сквозь кислородную маску было нереально прочесть его эмоции, но по чуть трясущимся рукам было видно воздействие адреналина. Гене его тоже хватало. Кровь била в висках очень часто, мешая сосредоточить внимание на двери. Шаги то останавливались, то возобновлялись. Видимо, противник проверял каждую комнату. Их искали. Быков боялся пошевелиться. Вот хрустящая поступь достигла самого входа в их убежище. У обоих остановилось дыхание.

В прежнем темпе источник шагов пересёк порог. Человек в многослойной одежде вошёл в комнату, держа автомат наготове.

– А-А-А! – Лёша закричал, давая волю вырваться всему накопленному волнению.

Он надавил на спуск. Короткая очередь полоснула по вошедшему. Громкие выстрелы рубанули по ушам. Враг отшатнулся, повернулся, тоже выстрелил в Лёшу. Геннадий встал и твёрдой рукой сделал два смертельных выстрела упавшему в спину. Посмотрел на напарника. Бедный студент, прислонившись к стенке, не подавал признаков жизни. Быков уже хотел что-то ему крикнуть, как периферическим зрением уловил серую тень в коридоре. Резко развернулся,

однако поздно. Что сильно толкнуло его в грудь – две пули. Не целясь, Гена вскинул руку и тоже выстрелил. Одновременно два тела упали на бетон, щедро засыпанный снегом. Быков ещё дышал.

– Ах... – глубокий вздох оказался слишком болезненным – похоже, пробило лёгкое.

Но боли он не чувствовал, как и всего остального – система жизнеобеспечения била тревогу и уже ввела в организм обезболивающие препараты. Он с трудом пошевелил рукой с пистолетом, откинул оружие подальше от себя. Набок он не спешил переворачиваться, дабы не потерять больше крови. Помниться, об этом ему рассказывал отец, раненный в Сирии.

– А-а... – пусть Геннадий и был оглушён выстрелами, болезненный стон со стороны своего последнего врага он услышал.

– Ты живой?... – спросил враг.

– А... – говорить было ужасно сложно, – ...ага...

Но Гена ответил-таки.

– Ты же... не военный?... – голос приглушался противогазом и шарфами, но собеседник старался, чтобы его услышали.

– Н-нет... – прохрипел Быков.

– Тогда ты это... не держи зла, хорошо? Ох...

Как ни странно, у Гены ещё оставались силы на удивление. Кто это? Кто этот человек, что на пороге смерти захо-

тел поболтать с тем, с кем недавно вёл смертельную дуэль. А неизвестный всё не умолкал.

– Так ты... кто? Откуда?..

– Я? – сказал Геннадий. – Да из Союза...

Мягкая вата постепенно покидала ушную раковину, пока сознание торопилось вырваться из тела.

– Ясно-о... Для учёного больно хорошо ты стреляешь. Да?.. Служил до этого всего?..

Уже не слишком хорошо соображая, Гена понял, что сейчас выуживать из памяти самые банальные фрагменты стало невероятно трудно.

– Я нет... Я работал в институте. Профессором...

– Чего? – перебил незнакомец. – Извини, говорю, чтобы не отрубиться... – за словами последовал приглушённый маской стон.

– Профессором литературы. Я же писать всю жизнь хотел... да не задалось. Решил учить других. Тоже... видимо, не задалось.

Тут на него внезапно нахлынула боль. Мучительные невидимые тиски скрутили грудную клетку изнутри. В глазах ещё больше потемнело. Жизнь с неслышным шипением просачивалась через пулевые отверстия.

– Не повезло, – прохрипел его собеседник. – Я хоть что-то на своём веку сделал... Рисовал... Ох, Господи... Кажется, я уже всё... Ты не умер?

Сначала Гена бессмысленно помотал головой, лишь по-

ТОМ ВНЯТНО ОТВЕТИВ:

– Ещё чуть-чуть...

– А... Как тебя зовут, ковбой?.. – с каждой секундой было всё сложнее и сложнее слышать чужой голос.

– Быков... Геннадий Анатольевич, – это было самое длинное, что он мог выдать на данный момент.

– Чёрт... – обескураженно воскликнул незнакомец и умолк.

Медленно-медленно тянулись секунды тишины. Гена стал уже сомневаться в продолжении разговора. Он слышал, как завывает буря над ними. Шум мешал различить ещё трепещущие дыхание незнакомца.

– Не знаю, говорить тебе... или нет, – наконец заговорил он.

– Что... – без интонаций произнёс Геннадий.

– На пороге смерти... ты же не умрёшь... спокойно... Да и я тоже... в принципе...

– Скажи уж!.. – еле выкрикнул тот, наблюдая, как медленно и бесконтрольно опускаются его веки.

Собеседник вздохнул – вздохнул так тяжело, как вздыхают последний раз, как вздыхают, по-настоящему сожалея о чём-то, что исправить уже точно невозможно. Вздох этот мог стать самым последним воспоминанием Быкова, если бы человек не продолжил:

– Давно не виделись...

– А? – только на такой вопрос хватило у него сил.

– Геннадий Анатольевич... «Как чай пьются?»...

Ослабший разум Быкова всё понял. Он понял всё в самый последний момент. Он не успел разозлиться или огорчиться. Как ни странно, только радость последним проблеском жизни вспыхнула в голове. Егохватило на лёгкую улыбку, которую всё равно не было видно под маской. Окончательно закрывая глаза, он сказал:

– Рад, что успел встретить... Славик...

Художник хотел докричаться до него. Но говорить он больше был не способен. Он не сразу понял, а точнее говоря, не сразу поверил, что его собеседник уже умер. Он не мог злиться на того, за то, что тот оставил друга помирать в одиночестве. Было уже поздно и бессмысленно обдумывать ту шутку, которую сыграла с ними судьба. Слава понял одно: «Чудеса всё же вероятны. Плохие, хорошие ли... Чёрт, но чудеса же!». Как будто провалившись в глубокий сон после изнурительного дня, художник не заметил, как тоже умер. Они оба умерли с улыбками на лицах.